

ЛЮДМИЛА ШЕВЦОВА

*Несыгранная
роль*

Аннотация

Главная героиня повести — юная восходящая звезда Московского молодежного театра Вера Климова. Ради своего успеха на сцене она предаёт родных и близких. Оставляет в роддоме своего ребенка, потому что он, по ее твердому убеждению, будет только мешать ее театральной карьере. Блистая на сцене, она так и не сумела никого сделать счастливым. Даже роль матери отдала другой женщине.

Но проходит время и на сцене появляются другие звезды, а бывшая прима, всеми забытая, влачит жалкое существование в одиночестве... Через двадцать три года она случайно узнает, что ее сын стал великим пианистом. Сыграв сотни ролей на сцене, она так и не сумела сыграть свою единственную роль в жизни. Вера прекрасно осознает, что ее счет пуст, и прожитая жизнь предъявляет ей суровый приговор возмездия...

Людмила Шевцова

Несыгранная роль

Повесть

1

Верунька лихо отплясывала «Семь сорок»...

Потряхивая плечами, она выгибала бедрышко, припадая на ногу, и как-то неестественно, не в такт, выбрасывала ее вперед. Еврей бы рыдал, обрывая пейсы, глядя на этот танец. В нем перемешались барыня с цыганочкой с несколькими движениями из «Семь сорок». Отсутствие чистоты танцевального стиля Веруня с лихвой компенсировала своей пластичностью, яркой внешностью и детской непосредственностью.

Окружив юную плясунью плотным кольцом, публика пританцовывала, хлопала, и восторженно подбадривала девушку.

К Веруньке подскочил колоритный мужчина лет тридцати с бородкой, орлиным носом и кавказским темпераментом.

— А ну-ка, давай на столе!

Он подхватил ее, словно перышко, и поставил на стол, за которым сидели в приличном подпитии еще двое не менее колоритных джигитов. Они

громко хлопали в ладоши и буквально пожирали горящими глазами юную плясунью.

— Танцуй, красавица! Плачу! — потребовал орлиный нос и одним движением смахнул скатерть вместе с бутылками и закуской на пол.

Обалдевший от такой наглости гостя, к нему подлетел официант с гневным намерением немедленно вызвать милицию и выдворить хулигана из ресторана, но его возмущение было тут же погашено несколькими четвертными. Официант мгновенно сменил гнев на милость и исчез, изгибаясь между столиками.

— Цыганочку давай! Не обижу! Зураб гуляет! — крикнул орлиный нос музыкантам, а сам придерживал обескураженную девушку на столе.

Музыканты как будто и не слышали просьбу Зураба, стали неторопливо собирать инструменты. Отработанный прием повышения чаевых их никогда не подводил.

Уязвленный Зураб пулей метнулся к ударнику, вытащил сотенную, послунял ее и приклеил на барабан, как фантик, под общее одобрение разогретой публики.

— Играй, слышишь! Играй, пока мне не надоест! Зураб гуляет!

Сотенная произвела на музыкантов должный эффект. В то время инженер получал девяносто в месяц.

И грянула цыганочка! С выходом...

Смущенная Верунька сообразила, что попала в переplet. Теперь Зураб просто так от нее не отстанет и разумнее будет ублажить огнедышащую лаву кавказского темперамента.

Она сбросила туфельки, изогнулась, как могла, кокетливо посмотрев на Зураба, и ее прозрачная персикового цвета кофточка с глубоким вырезом и широкими свободными рукавами, которые только вошли в моду, птицей взметнулась вверх.

Цыганочка у Веруньки получалась лучше, чем «Семь сорок».

С горящими глазами, цокая языком и хлопая в ладоши, Зураб метался вокруг стола.

— Ах, какая дэвочка! Какая дэвочка! Шампанского! Всем! — все больше распалялся Зураб.

Захмелевшая Верунька была в ударе. У нее была удивительная способность мгновенно включать всех и вся в свою орбиту. Познакомившись с ней, через пять минут уже казалось, что ты ее лучший друг. Все как будто заряжались ее энергией. Оторваться от Веруньки было невозможно. Девчонка-капкан! Лапку протянул, капкан — щелк, и это уже с концами.

В Веруньке все было не похоже на других. Снисходительная полуулыбочка на вишневых

блестящих губах, причем не подкрашенных, будто сам Господь Бог раздавил на них вишенку. Рот у Верульки чувственный, немного асимметричный. Но этот недостаток ее совсем не портил. Уголки губ были чуть-чуть потянуты вправо и ровно настолько, чтобы придать ее улыбке необъяснимое очарование.

Смеялась Верулька так заразительно, что все без исключения попадали в плен ее обаяния. При этом абсолютно естественная, как сказали бы сейчас — голливудская улыбка, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов, добивала мужчин окончательно. Красоте ее зубов завидовали все, особенно дантисты, считая, что такой подарок от природы большая редкость.

Ее пышные волосы темно-янтарными волнами ниспадали почти до талии. Хотя трудно было точно определить их цвет. На солнце они отливали медью, а при электрическом свете казались светло-каштановыми.

Глаза у Верульки колдовские, «на ножках», как метко охарактеризовал их один из ее поклонников. Под пушистыми загнутыми кверху коричневыми ресницами, искрились две блестящие влажные масляные.

Верулька знала о притягательности своих глаз. И сейчас, запрокинув голову, улыбаясь, она ощущала на себе восторженный взгляд не

только Зураба, но и всех гостей в зале. И чем больше они шалели от ее красоты, тем сильнее Верунька извивалась в танце, подчеркивая при этом все прелести своей точеной фигуры.

Девяносто-шестьдесят-девяносто — это не для нее. Восемьдесят-пятьдесят два-восемьдесят! Во как! Венера Милосская отдыхает...

Правда, росточком Верунька, ну, не то чтоб не вышла... Не дотянула чуток до модели образца семидесятых. Метр шестьдесят с небольшим. Ей бы ножки чуть длиннее. И точно — в Голливуд!

Но именно небольшой росточек и придавал девушке необыкновенную хрупкость и какую-то трогательную незащищенность.

Вечно улыбающуюся, бесшабашную Веруньку хотелось подхватить на руки, прижать к груди и любоваться ее раскосыми глазками «на ножках», по которым угадывалось, что в ее породе все же затесался кто-то с востока.

Успех Веруни настолько возбудил Зураба, что он заорал на весь зал.

— Женюсь! Сегодня же женюсь! Сейчас же, слышишь! И в тундру! Все отдам! Моя будэшь!..

Оркестр тут же отреагировал на желание клиента, и в зале грянуло про тундру, оленей, зарю и Крайний Север. Причем уже в пятнадцатый раз за вечер. Попурри завершила зажигательная лезгинка...

Тут Зураб не выдержал и пустился в пляс. Он кружился волчком вокруг Веруни, и она старательно пыталась изобразить лезгинку.

На финальном аккорде танца Зураб подхватил красавицу на руки и закружился по залу. Потом усадил на колени и стал целовать ее шею и грудь, щекоча нежную кожу жесткой прокуренной щетиной. Верунька смущенно отворачивалась, пытаясь соскользнуть с колен Зураба. Но тот крепко держал ее одной рукой за талию, а второй поглаживал упругую грудь.

Его захмелевшие приятели восхищенно смотрели на девушку и что-то громко говорили Зурабу на своем языке. Они попросили официанта немедленно объединить столики: свой и тот, за которым сидела Верунька с подругами. А это означало, что счет за девушек оплатят горячие поклонники. К тому же Зураб возместил не только ущерб за разбитую посуду, но и щедро оплатил право погулять с девчонками на всю катушку до утра.

Обычно ресторан закрывался в полночь. Но частенько случалось, что заезжая публика застревала здесь до последнего клиента «под личную ответственность администрации». И весь доход шел мимо кассы.

В этот раз гуляли геологи. Они приехали в Москву получать почетные знаки первопроходцев.

Вначале семидесятых эти медали приравнялись к орденам Трудовой Славы. В их честь и был устроен грандиозный банкет в «Праге». После официального приема, изголодавшись по цивилизации, красивым женщинам, геологи пускались во все тяжкие.

Как правило, почти все деньги, заработанные за годы аскетичной жизни на севере, оседали в ресторанах Москвы. Некоторым так и не удавалось добраться до вожделенного юга, о котором мечтали целый год. Тогда путь с севера на юг пролегал через Москву. Столичные рестораны, особенно «Прага», «Арагви» и «Москва», заранее готовились к приему отпускников. Побывать в этих ресторанах было так же престижно, как и на «Лебедином озере» в Большом театре.

У многих северян здесь были насиженные места, знакомые официанты. К приезду своих клиентов официанты заранее запасались чешским пивом, разумеется, подпольно и по баснословным ценам, а также «подсадными утками».

У каждого уважающего себя официанта был набор на любой вкус молодых красивых женщин, которые мечтали не только поразвлечься с денежными клиентами и раскрутить их на дорогой подарок, но и, если повезет, выскочить замуж за приличного мужика.

Система работала без сбоев. Как только

платежеспособный клиент доходил до нужной кондиции, за их столик официант подсаживал «своих», причем «диком» извиняясь и непременно спрашивая: «Вы не позволите двум милым дамам поужинать за вашим столиком? К сожалению, в зале нет свободных мест... Но если вы возражаете, то...»

Согласие разогретых клиентов следовало раньше, чем официант успевал договорить, и милые дамы оставались ужинать до утра. В результате официант имел не только дополнительные чаевые, но получал еще и гонорар по десять рублей с каждой дамы. Среди «подсадных» в основном были проститутки. Этот бизнес, как известно, процветал во все времена. Официант называл своим постоянным клиентам адресок «нехорошей» квартиры, где можно было поразвлечься с девочками и посмотреть по импортному видеомagneфону порно. Кассеты привозили из-за границы моряки и дипломаты. Это был высший пилотаж сервиса...

В семидесятые годы за мужчинами, работающими на севере, женщины охотились не меньше, чем за сегодняшними олигархами. Бессмертным стимулом повышенного интереса слабого пола к таким мужичкам были и остаются деньги и не только. В те годы к формированию образа героя совкового разлива усиленно прилагала

руку пресса. Ежедневно на первых полосах «Правды» и «Известий», а они присутствовали в каждом доме, красовались волевые бронзовые лица покорителей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Во-вторых, среди них действительно попадались довольно образованные и интеллигентные люди. И, в-третьих, север был практически закрыт для женщин. Поэтому ресторанное знакомство, самолеты и курорты были для них чуть ли не единственной возможностью покорить горячее и столь же неискушенное сердце первооткрывателя. И, разумеется, частенько женами первопроходцев становились официантки, стюардессы и проститутки.

Информацией о высадке очередного северного десанта в московских ресторанах обладали только официанты. Они-то и решали, кого из «подсадных» оповестить о престижной тусовке первооткрывателей, а кого задвинуть, скажем, на съезд хлеборобов. С хлеборобами работали «подсадные» попроще. Особенно котировалась информация о закрытых банкетах, где собиралась исключительно элитная публика мужского пола. «Билет» на такой банкет у «подсадных» пользовался сумасшедшим спросом по тройному тарифу.

На праздник почетных геологов Веруньку с двумя подругами пригласил ее давний поклонник

Гоша. Он работал официантом в «Праге», где быстро заматерел на тамошних чаевых. У него дома всегда водился хороший коньячок и редкая по тем временам черная икорка. К тому же Гоша водил дружбу и со столичной «фарцой». У предприимчивого официанта в любое время суток можно было купить модные шмотки, дорогие сигареты и заграничные напитки. Сам Гоша одевался стильно, ездил на «Волге» с оленем, хотя и подержанной, что считалось по тем временам несусветной роскошью, сравнимой с мерседесом и ничего не делал просто так. В каждом его поступке был расчет.

Словом, Гоша был завидным женихом. С темно-серыми глазами, черными вьющимися волосами... Ему часто говорили, что он похож на Алена Делона. Гоша непомерно гордился сходством с французской кинозвездой и изо всех сил старался во всем ему подражать: манерой одеваться, двигаться, даже прическу носил такую же, как именитый артист.

Веруня ему нравилась. Он терпеливо приручал ее подарками и приглашениями в ресторан, рассчитывая в будущем обладать ею полностью.

Веруня же водила Гошу за нос, хотя охотно принимала его ухаживания и дорогие подарки. Он был не тем принцем, о котором она мечтала, а всего

лишь симпатичным обеспеченным парнем. За его счет можно было поразвлечься в ресторане, покататься на его престижной «Волге», вызвав неподдельную зависть у своих сверстниц.

Гоша не скрывал своего гнева, исподволь наблюдая как Веруня заигрывает с сальным Зурабом, похожим на орангутанга, а тот ее бесцеремонно лапает. Гоша, обуреваемый ревностью, злился на свою пассию и метал в ее сторону испепеляющие взгляды. Выбрав момент, он красноречивым жестом показал ей на дверь: мол, пора сматываться, иначе будет скандал.

В ответ Веруня только кокетливо улыбнулась. В ней очень рано проснулся хищный зверек. Она почувствовала свою власть над мужчинами и сейчас испытывала состояние эйфории от собственного куража и превосходства над ними. Веруне нравилось, что из-за нее, сопливой девчонки, такой взрослый мужчина, как Зураб, поставил на уши весь ресторан, а Гоша буквально не находит себе места от ревности и мечется между столиками, как раненый зверь. В очаровательной головке Веруни уже зрело ощущение, что роль повелительницы-сердцеедки самая желанная в ее жизни.

Эта роль ей нравилась больше всего. А вовсе не та, про которую они писали в школьных сочинениях, выискивая в критических статьях

чахоточного Белинского умные фразы про пророческие сны Веры Павловны. Верунька, как, впрочем, и ее сверстницы, не понимала ни смысла, ни образа жизни Веры Павловны. И после каждого сочинения, сбившись в стайки, они уезжали в Нескучный сад, где все запретное становилось таким вождеденным. Там они решали и «женский» вопрос, и находили место «подвигам», и точно знали, «что делать».

Зураб пил много, но не пьянел. Он все сильнее и сильнее прижимал Веруньку к себе. Но она испытывала к нему отвращение. К сожалению, незаметно исчезнуть из ресторана ей пока не позволяла сложившаяся ситуация. Зураб не отпускал ее ни на минуту, и она была вынуждена терпеть его ухаживания. От Зураба сильно пахло водкой и цыпленком табака. Его нежности были какими-то грубыми, а густая борода жесткой. Правда, при ближайшем рассмотрении он показался Веруне значительно моложе. Борода делала его старше своих лет. На самом деле ему было не больше двадцати пяти. По его поведению было видно, что он сильно втрескался в Веруньку и имеет на нее далеко идущие планы. Свое искреннее желание немедленно жениться он подтвердил документально.

— Смотри, — Зураб демонстративно достал паспорт и открыл перед ее очами страницу с

особыми отметками, — видишь, чист я. Не вру. Не женат. Вот они знают. Зураб честный. Зураб настоящий мужчина.

Друзья Зураба активно закивали, хотя абсолютно не понимали в этот момент, что они должны подтвердить, так как целиком были заняты ее подругами. Маша и Аня легко поддавались их «обработке» и окончательно поплыли, когда Зураб предложил Веруне руку и сердце.

Если бы им так подфартило, они бы мгновенно впорхнули в семейную жизнь и были бы несказанно счастливы. Но сегодня везло не им. И мерзкий червячок зависти, подогретый вином, уже свербел в их головах, нахально требуя показать и себя, а вовсе не быть сереньким фоном красавицы-подруги.

Маша тряхнула своей шестимесячной завивкой, которую она сделала сегодня утром по случаю выхода в свет, повела плечиком, подражая Веруне, и сверкнула своими белесыми глазками с выщипанными в ниточку бровками.

— А мы тоже не замужем! — кокетливо пропела она. — Верочка еще малолетка. Рано ей замуж! А вот мы, — она кивнула в сторону Ани, — девушки серьезные, зрелые и неизбалованные!

Аня изобразила смущенную улыбку и замахала своими пухлыми ручками с перстеньками, купленными на рынке. Она была небольшого

росточка, полненькой, розовощекой, с нарисованной мушкой над верхней губой. Мушка, как ей казалось, придавала ее облику сексуальную привлекательность. Битых три часа она провела у зеркала, тщательно подрисовывая свою завлекалочку, накладывая несколько слоев туши, смешанной по особому рецепту с химическим карандашом.

— Мне старухи не нужны! — ухмыльнулся Зураб. — Я хочу вот этот нежный цветок! — он потянулся своими толстыми губами к нежной щечке Веры. — Зураб умеет любить!

Та брезгливо сморщила носик, но не оттолкнула Зураба, а только успела прижать свой пальчик к его влажным губам, притормозив таким образом очередной порыв страсти.

Веруня не собиралась продавать себя этому чуреку. Она твердо знала, что доведет его до экстаза и, когда тот оплатит их счет, улучив момент, слиняет, как всегда, через служебный вход. Флирт с Зурабом для нее всего лишь игра, самодеятельный театр, а она в этом спектакле — Королева-обольстительница. И по законам жанра все должны лежать у ее ног и вымаливать снисходительную улыбку своей королевы. Как же она обожала такие мгновения!

Геологи же, распушив хвосты перед девушками, тешили себя мыслью, что перед ними

неопытный молодняк, который, скорее всего, случайно попал в ресторан. И тут, разумеется, выяснилось, что девчонки, «совершенно случайно» пробегая мимо ресторана, решили отметить досрочную сдачу экзамена. Так они и оказались в «Праге» на банкете у первооткрывателей. Про Верунькин день рождения врать не стали. В этом году они «отмечали» его трижды. Так что версия обветшала и требовала обновления. Легенда с экзаменом выглядела убедительнее, хотя студенткой на самом деле была только Вера.

Маша и Аня были лимитчицами. Работали на заводе резиновых изделий и, после семи лет ударного труда на вредном производстве, им обещали постоянную прописку в Москве и отдельную комнату в общежитии. А пока они снимали комнатку у Дуси, близкой подруги матери Веры.

Маша и Аня очень надеялись на удачное замужество и сегодня им несказанно повезло. Они, благодаря невиданному жесту Гошиной щедрости, оказались в элитном ресторане, да еще в компании респектабельных неженатых мужчин.

Им выпал козырный туз. И они не хотели упустить возможность заарканить этих мужичков. Девушки изо всех сил пытались их очаровать. И, конечно же, они не собирались, как Веруня, линять через служебный вход.

Подруг у Верульки было много. И не потому, что они уж очень ее любили. Скорее завидовали ее легкости и красоте. С ней можно было запросто познакомиться с любым парнем. Она была верной приманкой, своего рода наживкой, на которую косяком шла приличная рыба. И частенько Верины подруги застревали в постели ее поклонников. Она не ревновала. Ей льстило, что они пользуются ее добычей.

По закону сохранения материи — ничто не исчезает без следа, после таких загулов у той или другой подруги возникала необходимость очередного аборта. Эту проблему опять-таки приходилось решать все той же Верульке. Улыбаясь, она утирала слезы несчастных и в тысячный раз выслушивала про мужиков-сволочей, у которых мозги находятся исключительно в яйцах. Ведь не случайно их два, по количеству полушарий. Сравнение мужского интеллекта с шарами ниже пояса ее сместило и забавляло.

Во времена Верулькиной юности про безопасный секс, контрацептивы, прокладки и «орбит» никто не знал, так как в стране коммунистических идеалов ни секса, ни других проявлений гнивающего капитализма и в помине не было. Правда, по количеству аборт, в основном нелегальных, страна эта была впереди планеты всей. И тут в кругу уважаемых людей на

первый план выступали высококлассные специалисты. Среди них были звезды первой величины.

Одно такое светило именовалось Карен Геворкян. Слияние армянских и еврейских кровей явило миру гинекологическую звезду. Карен Геворкян творил чудеса. Как официально, так и подпольно. Только на одних абортах он нажил колоссальное состояние. А к состоянию — имя, которое с восхищением передавалось из уст в уста из поколения в поколение. Известный не только в Москве, но и далеко за ее пределами телефончик знаменитости кочевал от жен и любовниц к дочерям и внукам. Все, кто хоть как-то был знаком с гинекологическим гением современности, кланялись ему в пояс, расплываясь в подобострастной улыбке, понимая, что с Кареном надо дружить всегда.

Во-первых, Карен действительно был непревзойденным мастером своего дела. Он делал аборт на любых сроках, причем без отягчающих последствий. Во-вторых, он умел хранить тайну, что для влиятельных людей было очень важно, а Карен водил дружбу только с сильными мира сего. Высший пилотаж Карена особенно ценили женщины, изменявшие своим высокопоставленным супругам. Чтобы у отяжелевших от партийных забот рогатых мужей не возникало никаких

подозрений, он избавлял их жен от последствий любовных утех, даже не побрив лобка.

У Верульки с Кареном были особые отношения. В жизни гинеколога она была тем редким исключением, просьбы, которой он выполнял безропотно, а главное, бесплатно. Одной фразы: «Але, Карен Ашотович? Это я, Вера!» было достаточно, чтобы все проблемы с «залетом» ее подруг решались незамедлительно и в лучшем виде. А это значит — с наркозом, без последствий и тайно. Саму же Верульку Бог пока миловал.

Совсем отяжелев, геологи собрались уходить из ресторана. Да и времени уже было два часа ночи. Верулька сильно притомилась, израсходовав запас куража. Зураб ей порядком поднадоел. Она уже клевала носом и ждала, когда Гоша выведет ее через служебный вход. Но он решил ее наказать. Уж больно откровенно она заигрывала с Зурабом, вызвав у него безумную ревность. Гоша больше не смотрел в ее сторону и не подавал никаких спасительных знаков. Веруня поняла — ей придется выкручиваться самой. Анна с Машей раскисли так, что их впору было самих выносить из ресторана. В объятиях геологов они окончательно созрели для интимного диалога...

Распаленный Зураб оказался трезвее всех. Он уже сторал от неумемного желания обладать юной красавицей. Пошептавшись со своими друзьями, он

понес девушку к выходу. Верунька не сопротивлялась. У нее не было сил. Ей хотелось поскорее где-нибудь прилечь. И предприимчивый Зураб наметил где. У входа в ресторан уже стояло такси.

Увидев такси, трезвая мысль на мгновение промелькнула в ее бесшабашной головке. До Веруни дошло, что Зураб собирается ее куда-то увезти. А там ей уже не выкрутиться. Она слишком увлеклась игрой, и теперь ее может спасти только какой-нибудь неожиданный трюк.

— Ой! — нарочито расстроившись, воскликнула девушка, с трудом преодолевая свое размякшее состояние. — Сумочку забыла! А там документы, студенческий, ключи от дома... Я сейчас! — И для пущей убедительности она сунула Зурабу свой модный плащик, с таким трудом добытый мамой у спекулянтов. — Подержите, пожалуйста...

Этот плащик и усыпил на какое-то время бдительность Зураба. Пошатываясь, она скрылась на кухне ресторана. Позвали Гошу, и тот, разъяренный поведением своей возлюбленной, спрятал ее в кладовке, куда после смены кухонные работники ресторана сбрасывали грязные скатерти, полотенца и халаты. На всякий случай Гоша закрыл кладовку на ключ. Там, на куче грязного белья, Верунька и проспала всю ночь.

Через десять минут Зураб вернулся в ресторан за обольстительницей, но никто ее, конечно, там не видел. С плащиком в руках, отчаянно ругаясь, перемежая грузинскую брань с русским матом, он мотался по всему ресторану в поисках Веруни. Гоше даже пришлось пригрозить милицией обманутому поклоннику. Из кладовки Веруньку освободили только утром, когда в ресторан на работу пришла другая смена. Понятно, Веруньку пристыдили и отпустили с миром.

Помятая, провонявшая грязным бельем, с опухшим лицом она еле добралась до своего дома. Ее жутко мутило, и голова буквально разрывалась от боли. Она дала себе слово больше никогда не связываться в такие авантюры. Хотя где-то в глубине души была довольна собой, что так эффектно выкрутилась из этой скандальной и небезопасной истории.

Мать Веруни вернулась с ночного дежурства только после полудня. И, застав дома дочь, очень встревожилась. Веруня в это время должна быть в институте.

— Доченька, что с тобой? Ты почему дома? Не заболела ли?

Валентина Александровна потрогала лоб дочери, прикоснулась к нему губами, но жара не обнаружила.

Веруню знобило. Кутаясь в одеяло, еле-еле

шевелия губами, она попыталась успокоить мать.

— Да все нормально, мам. Не переживай. Отравилась вчера в столовке. Тошнит...

— Надо срочно желудок промыть! — Валентина Александровна поспешила на кухню заваривать ромашку. — Ну, паразиты! Воруют, а детей всякой дрянью кормят! — ругала она работников общепита. — И нет же совести у людей?! Вот поеду в вашу столовку, устрою скандал! Да я на них санэпидстанцию натравлю! Дусе позвоню. Она же в санэпидстанции работает...

Верунька прекрасно знала, что мать никуда не поедет и ничего никому не устроит. Поворчит-поворчит, на этом дело и кончится. Но на всякий случай подстраховалась.

— Да не переживай ты так, мам. Обойдется. Если честно, я точно не знаю, где траванулась. Мы с девчонками еще в чебуречную заходили.

— Я тебя сколько раз просила, обедай дома! Вон, еда нетронутая стоит, а ты по чебуречным шляешься! — возмущалась Валентина, хотя сама валилась с ног, мечтая часок-другой вздремнуть после суточного дежурства. — Ох, Верка, Верка, не бережешь ты себя! Это я тебе как медик говорю. Хватишься, поздно будет...

Валентина Александровна воспитывала дочку одна. Сорок лет она проработала медсестрой. Сорок лет на одном месте, в одном отделении — кардиологическом, да еще в престижной больнице. Не каждому так повезет.

Личная жизнь у Валентины Александровны не сложилась. Да и как ей сложиться? В сорок первом ей было шестнадцать. Она уже тогда работала медсестрой. Все ее женихи погибли на войне. Невест хоть отбавляй, а мужиков — раз-два и обчелся. Такая вот доля выпала на ее поколение. Она и не роптала. Когда годы уже подпирали под сороковник, прижила девочку. Как говорится, прямо на рабочем месте. Родила для себя, чтобы было кому в старости воды подать да словом обмолвиться. Не было в ее жизни ни сумасшедшей любви, ни страсти, ни ревности...

Лежал у них в кардиологическом отделении летчик с инфарктом. Приехал из Новосибирска. В столичной клинике его лечили за военные заслуги. Никто летчика не навещал. Валентина за ним ухаживала. По доброте душевной она ему то домашнего бульончика принесет, то клюквенный морс сварит. Курагу на рынке покупала, мандарины доставала, словом, поддерживала, как могла. А потом, когда летчик оклемался, стал ей на дежурстве помогать. Бессонницей маялся. Говорил, что до сих пор война снится, не отпускает.

Валентина, чтобы как-то свести концы с концами, работала на две ставки. Практически день и ночь пропадала в больнице. Там, в ординаторской, в одно из ее ночных дежурств, у них все и случилось. Без всяких пылких признаний и страсти. Он вроде бы как отблагодарил ее за заботу...

При выписке летчик подарил Валентине коробку конфет и бутылку шампанского. И еще сунул в карман четвертную. А это почти половина Валентиной зарплаты. Она тихо порадовалась, что мужик щедрым оказался. Со своей подругой Дусей выпили шампанское на Восьмое марта, и Валентина забыла про свою мимолетную связь. Вспомнила, когда обнаружила задержку месячных. Валентина кинулась к Карену Геворкяну, заведующему гинекологическим отделением этой же больницы. Надежда на ранний климакс у бедняги рухнула.

— Беременна ты, голуба моя! — вынес приговор знаменитый гинеколог. — И вот тебе мой совет. Рожай, Валентина. Не вздумай делать аборт. Я лично не возьмусь. У тебя целый букет болячек. А родишь, минуешь операцию, продлишь жизнь. Это я тебе обещаю. Я удивляюсь, как ты вообще забеременела. Видимо, судьба тебе плечо подставила. Так что цени ее благосклонность.

— Куда ж мне рожать-то, Карен

Ашотович?! — растерялась Валентина и расплакалась от такой несправедливости. — Другие вон гуляют напропалую и ничего! А я один раз на штаны вполглаза поглядела и... на тебе! Мне ж уже тридцать семь. Да и незамужняя я. Ну, куда мне с дитем? Одна ведь я. Мать как полгода похоронила.

— Поверь мне, Валентина, это твое спасение, — успокаивал ее гинеколог. — Сам буду вести тебя до родов. Родишь, как миленькая. Обещаю. А что не замужем, так это даже хорошо. Будет тебе и забота, и забава. И еще, чтоб ты знала. Женщины, которые поздно рожают, живут дольше и склерозом не страдают. Факт научно доказанный. Так что дерзай!

Валентина, пока шла в свое отделение, почти смирилась с мыслью, что ей придется родить дочку. Она интуитивно почувствовала, что будет именно девочка. И сразу же ее полюбила.

О своей беременности Валентина сказала только Дусе. Та раскудахталась, стала жалеть подругу, а потом вдруг расплакалась и загнусавила:

— Ой, Валька, завидую тебе! Я вон двадцать лет мужского духа не нюхала. А тебе, считай, повезло. Рожай! И мне радость. Вместе вытянем, раз своих Бог не дал.

Подруги поплакали-поплакали над своей неудалой судьбой, а потом все же женское любопытство взяло вверх...

— Отец-то признает? — спросила Дуся. — Кто он? Чтой-то ты и словом не обмолвилась, с кем шашни водишь, а? Вон и ребеночка прижили, а ты молчок. А мы ведь с детства с тобой — не разлей вода. Как сестры. Я-то от тебя ничего не таю!

— Да какие там шашни, Дусь. Зря обижаешься, — оправдывалась Валентина. — Что рассказывать. Ну, лежал у нас один. Летчик. Из Новосибирска. С виду представительный такой. Долго лежал. Я его пожалела. Переспала с ним один раз на работе. Сама знаешь, я кроме больницы — никуда. Да и кому я нужна, перестарок. Щас вон молодые в девках сидят. А наши с тобой женихи сама знаешь где...

— Твоя, правда. — Дуся тяжело вздохнула. — Я иногда проснусь и думаю: неужели тебе, Дуська, так вот всю жизнь одной в холодной постели маяться? Послал бы Бог кого-нибудь, хоть увечного, хоть... Все ж не одна. Только бы не пьющего. С пьющим-то, ой, маята! Твой-то, не пьющий?

— Да откуда же мне знать? В больнице лежал, вроде не пил. А там кто ж его знает? Все сокрушался, что после инфаркта спишут его на землю. Может, и запил от этого. А может, и помер уже. Сердце у него было очень плохое. Врачи ему не прочили долгую жизнь.

— Так ты бы поинтересовалась. В истории

болезни наверняка адрес есть, — встрепенулась Дуся. — Напиши ему. Мол, так и так, ребеночек у нас будет. А вдруг признает?

— Да ты что?! С чего вдруг писать?! Говорю, один-единственный раз было! Ну, может, два... — Валентина помолчала, улыбнулась, припомнив подробности мимолетного романа. — Он и думать-то про меня забыл. Если честно, Дусь, я его тоже редко вспоминаю. Ну, было и было. Приласкал, я и дала слабинку. Ласки-то я мужицкой толком и не знала, вот расстелилась. У него семья. Трое детей. Он мне сразу признался. Не обманывал. Как же я теперь к нему со своими проблемами поеду? Ему врачи прописали сердце беречь, не нервничать. Рожу для себя. Мне еще мать, царство небесное, говорила: «Валентина, рожай! А то помру, с кем останешься?» Вот пусть она хоть на том свете порадует, что наказ ее выполнила.

— Может, твоя правда, — не сдавалась подруга. — Но дите-то не виновато. Отца-то все ж должно знать. Тем более такого. Летчик все ж таки, не проходимец какой-нибудь, — настаивала Дуся. — Ну, хочешь, я его разыщу, коль тебе неловко? Уж я-то найду, что ему сказать.

— Не вздумай! — вскипела Валентина. Дуся сразу притихла. — Если хочешь, чтоб мы подругами остались, эти мысли из головы выбрось! Не привыкла я никому себя навязывать. А уж дитем

шантажировать! Да упаси Бог! Я так думаю: если я запала ему в душу, то сам меня найдет. Тем более, знает где. А если только блуд почесал, так что толку искать. Считай, обоюдно почесали и разошлись.

Беременность у Валентины протекала без особых осложнений. Карен Ашотович, как и обещал, консультировал ее до самых родов. Дуся всячески поддерживала подругу. По вечерам выводила ее погулять, помогала по хозяйству, а последний месяц перед родами и вовсе к ней переселилась. Правда, Валентина работала почти до самых родов. Только от ночных смен отказалась. И в ночь, под Новый год, родила она девочку. Валентине сделали кесарево, чтобы не рисковать. Оперировал сам Карен Ашотович.

— Ну, голуба моя, вон, какую красавицу родила! Молодец, что послушала меня. На свадьбу потом пригласить не забудь. Буду посаженным отцом.

С тех пор Карен Ашотович взял дочку Валентины под свою опеку и стал ей вроде бы как крестным отцом. Дарил подарки на день рождения, да и так иногда баловал красивыми игрушками да нарядными вещицами, которые ему не составляло труда достать. Он прекрасно понимал, как тяжело было одной Валентине растить дочку.

Девочку назвали Верой, в честь бабушки. Но

ее все ласково называли Верунькой. Правда, она не была похожа ни на Валентину, ни на бабушку. Мать у Веруньки светленькая, худенькая, не красавица, но приятной наружности. Скорее всего, дочка пошла в отцовскую породу. Только кто же знал ту породу?

— На отца она тоже не похожа, — утверждала Валентина. — Разве только волосы? Хотя вряд ли. Он уже седой был, когда лежал в больнице.

Валентина дочку баловала. Из кожи лезла, чтобы одеть получше, накормить повкуснее. Из больницы не вылезала. Спасибо Дусе. Та, как родная мать, заботилась о девочке. В ночные дежурства Валентины оставалась с Верочкой. В садик водили по очереди. Верунька называла их мамами. Только одна была мама Валя, а вторая — мама Дуся. Подруги не могли нарадоваться, глядя на девочку. Была Верунька вся такая ладненькая, умненькая, ну, прямо золото, а не ребенок.

— Вот выучится, — мечтала Дуся, — замуж выйдет. Ты, Валентина, в мою квартиру переедешь, а Верочке твою оставим. Пусть с семьей отдельно живет, а мы в гости к ней ходить будем, внуков приглядывать.

Слова подруги умиляли Валентину. Со слезами на глазах она приговаривала:

— Спасибо тебе, Дусь. Без тебя я бы пропала.

— Да чего там. — Дуся гладила подругу по

плечу. — Не чужая ведь она мне. Иногда, не поверишь, мне кажется, что это я Верочку родила. С первых дней на моих руках. Вот сейчас квартиранток пустила, думаю деньжат подсобрать. Надо ж об ее учебе подумать. Как считаешь? Куда определим? У нее же ветер в голове. Нам решать, в какой институт ей поступать.

Пока Валентина с Дусей прикидывали, какой институт выбрать для их девочки, чтоб и солидный, и престижный был, сама Веруня мечтала о театральном. Тем более в кинотеатрах прошел фильм «Бабетта идет на войну». Все девчонки кинулись перекрашивать волосы под блондинок, делать высокие прически с начесом, зауживать и укорачивать юбки бочонком, менять походку. Всем хотелось быть такой же стильной и неотразимой, как Бабетта. Стали гоняться за фотографиями Брижит Бардо, чтобы во всем быть похожей на кинозвезду. Веруне волосы перекрасить не удалось, ее выгнала парикмахерша со словами:

— Ты что, сдурела! Такие волосы на пакли менять? Будь ты моя дочь, я бы тебе голову оторвала! Лысой хочешь остаться? Моду взяли под буфетчиц краситься.

Это сравнение быстро оживило в памяти Веруни образ школьной буфетчицы Серафимы. У нее вечно висели пакли пережженных перекисью волос. Они были желто-серого цвета.

Веруня на окраске волос настаивать не стала, но прическу под Бабетту все-таки сделала.

— Ой, девонька, — всплеснула руками мама Дуся, когда она появилась у нее с новой прической. — Что же это за горшок у тебя на голове? Вроде осинового гнезда. И больно старит тебя...

Этого было достаточно, чтобы Веруня тут же сунула свою голову под кран и стала прежней, с роскошной светло-каштановой гривой.

Такая Веруня нравилась окружающим. Она уже давно заметила, что на нее оборачиваются мужчины. У нее даже появилась своеобразная игра. Веруня специально приезжала на Арбат, ходила по улице и подсчитывала, сколько встречных мужчин на нее обернется. Когда счет доходил до пятидесяти, окрыленная своим успехом и неотразимостью, уезжала в Новые Черемушки, где жила с матерью в двухкомнатной хрущевке.

В нее они переехали совсем недавно из полуподвальной коммуналки. Валентине дали квартиру, как матери одиночке и ветерану войны. Ей зачли долгие годы работы в госпитале. Правда, на очереди она все же простояла больше пятнадцати лет.

Материнской лаской Веруня не была обделена, а вот отцовской заботы и внимания судьба ее лишила. На вопрос: «Где мой отец?»

— Не знаю! — Твердо пресекла любопытство дочери Валентина. — Одно могу сказать, он меня не обманывал и ничего не обещал. Он даже не знает, что ты на свет появилась. Я так захотела. Но человек он порядочный. Быть его дочерью не стыдно. Поверь, не проходимец какой-нибудь, а герой войны. Сейчас уже помер, наверное. Сердце у него быстро болело.

Валентина скрыла, что случайно зачала дочку на ординаторской кушетке в одно из своих дежурств. Такие подробности дочери знать необязательно.

Веруня успокоилась. Ей вполне хватало двух мам. Не знавшие мужской ласки, обе женщины обрушили на девочку всю свою неистраченную любовь, и та буквально купалась в их заботе и нежности...

3

Только к вечеру Веруня оклемалась от похмелья и позвонила маме Дусе. Она хотела выяснить, чем закончился поход в ресторан у Маши и Ани и еще раз их предупредить, чтобы они не проболтались, где гуляли вчера. Хотелось также выяснить, не оставил ли Зураб ее плащ. Веруня еще не придумала, как объяснить матери, куда подевался ее подарок на день рождения дочери, на

который она копила целый год.

Телефон молчал. Веруня начала волноваться. В ее головке роились всякие догадки.

«А что если пьяных девчонок увезли геологи? А вдруг они вообще не геологи? Ведь мы же соврали, что студентки?»...

Валентина приготовила ужин и улеглась спать, а Веруня, сославшись на плохое самочувствие, и необходимость подышать свежим воздухом, рванула к маме Дусе. Ключи от Дусиной квартиры всегда были при ней.

У Дуси никого не было. Прождав девчонок до полуночи, Веруня не на шутку испугалась. Уж кто-кто, а мама Дуся никогда не пускалась в ночные загулы.

В начале первого в квартиру буквально ввалились подвыпившие Маша и Аня, а с ними и мама Дуся. Выяснилось, что они провожали геологов, которые ночевали здесь же, так как пьяных, да еще с женщинами их в гостиницу не пустили. Пришлось упросить и ублажить Евдокию Михайловну, чтобы она пустила пьяную кампанию на ночлег. Дуся так рассердилась на квартиранток, что хотела сразу же их выселить, но потом, когда геологи предложили четвертную за ночлег, мгновенно сдалась. Утром она сварила свеженький бульончик из куриных потрошков, чем умилила до слез больных с похмелья первооткрывателей.

Они предложили Дусе немедленно поехать с ними на Север работать поварихой и пообещали ей не только хорошую зарплату, но и подходящую партию для замужества.

Евдокия Михайловна встрепенулась, приосанилась, принарядилась, и на обед у компании были румяные пирожки с капустой и домашние котлеты. Маша и Аня были не в состоянии выйти на работу и сейчас переживали, что их могут передвинуть в конец очереди на комнату и лишит премиальных. Правда, за все лишения вчерашний день им подарил утешительный приз. Они провели остаток ночи и весь день до позднего вечера с настоящими мужиками. Геологи обещали забрать их на Север, и девчонки уже готовы были плюнуть на резиновые изделия и очередь на комнату в общежитии. Так что дело было за малым — дождаться вестей от северных ухажеров и... не подзалететь.

Втроем они поехали провожать геологов на вокзал. Заботливая Дуся снарядила большую корзину с пирожками, котлетами, вареньем и соленьем, как она выразилась, на дорожку «настоящим мужикам».

Верунька впервые видела ее подвыпившей. Она была смешной и озорной.

— А что, девки! Вот возьму и уеду на Север, а?! Как думаете? Я еще ничего! — не на шутку

разошлась Дуся.

— Да вы еще о-го-го, Евдокия Михайловна! — поддержали девчонки.

— Нет, вы мне правду скажите, — приставала мама Дуся, — для постели-то я как? Сгожусь? — И она резким движением расстегнула батистовую кофточку с рюшечками, которую надевала только по особым праздникам. — Ну-ка, гляньте, засранки! Дуська-то еще хоть куда!

И она высвободила из лифчика свои груди...

Девчонки ошалели от такой смелости. Из плена на белый свет вырвались Дуськины сиськи. Они были по-девичьи красивы и бесстыдно торчали, сверкая темно-розовыми сосочками.

— Эх, девоньки! — разоткровенничалась Дуся. — Мне один мужик, чего греха таить, было у меня с ним по молодости, все говорил: «Евдоха, — так он меня называл, — я никогда не забуду твои стоячие сиськи! Хошь, я за них на смерть пойду?» И ведь пошел, — грустно вздохнула Дуся, спрятав свою красоту.

— А где же тот, что на смерть собирался? — робко спросила Веруня.

— Где, где?! В гнезде! Другие сиськи нашел, сволочь! Такого добра сейчас навалом. И стоячих и висячих. Бабы их сами мужикам на нос вешают. Ну ладно, спать пора! Второй час. А мне к восьми на работу. И вам вставать ни свет ни заря. Погуляли и

хватить. Ты тоже ложись. — Дуся строго взглянула на Веру. — Завтра с тобой разберемся. Не знала, что ты по ресторанам шляешься. Мать света белого не видит. Вот она, твоя благодарность!

Смущенные квартирантки виновато пожимали плечами. Они, конечно, проболтались про ресторан и про Зураба, который все-таки улетел в Тбилиси, прихватив с собой Верунькин плащ в качестве залога. На обратном пути, разгневанный своим проколом, он все-таки пообещал разыскать «маленькую шлюшку»...

Верунька подчинилась Дусиному приказу и легла спать. Ей надо было как-то ее ублажить, чтобы та не проболталась матери. Не потому, что Вера боялась Валентины. Скорее, не хотела ее расстраивать. Валентина действительно дневала и ночевала на работе и в последнее время частенько жаловалась на сильную усталость.

Через пять минут Дуся прижимала Веруню к своей груди и клялась, что ни за что не проговорится Валентине. Когда надо было, Веруня умела прикинуться ягненком и вымолить прощение.

— Ох, Верка, смотри мне, — бормотала мама Дуся, погружаясь в сон. — Уеду на Север, сиротой останешься. Без меня матери с тобой не сладить. Разбаловали мы тебя. Чувствую, шалавой вырастешь. А мы не для этого тебя холили...

Верина мечта поступить в театральный разбилась вдребезги. Зарубили на втором туре. Сказали, что характерная актриса из нее вряд ли получится, она скорее травести и будет всю жизнь играть зайчиков и лисичек в детских спектаклях. Это если еще повезет. Да и конкурс был двадцать пять человек на место. Так что и без нее набрали и зайчиков, и лисичек...

В другие же институты у нее не хватило ни знаний, ни связей, ни денег.

Валентина с Дусей сбились с ног в поисках влиятельных людей, но сумма взятки в юридический, в то время очень модный институт, быстро их отрезвила.

Чтобы не пропал год, Вера едва поступила на литфак педагогического института. И то благодаря Карену Ашотовичу. Он лично знал ректора этого вуза. Вернее, ректоршу, она когда-то была его пациенткой.

По статистике, педагогический институт стабильно держал первое место по абортам среди вузов Москвы. Многие ломали голову над этим феноменом. Парней в институте — раз-два и обчелся, и в общежитии была строгая пропускная система. А количество аборт, тем не менее, из

года в год неизменно росло.

Ректоршу регулярно вызывали на ковер к начальству и журили за плохую воспитательную работу. Так продолжалось несколько лет, пока та не поделилась своей бедой с Кареном Ашотовичем. Теперь знаменитому гинекологу, приходилось снижать развратные показатели пединститута, делая студенткам нелегальные операции.

На первом курсе литфака, кроме Веры Климовой, было еще сто двадцать девчонок, не попавших в основном в театральный. И еще два парня — Коля и Вася. Они показались Вере настолько неинтересными, что у нее совсем испортилось настроение.

Коля был худой, высокий и желтушный. Видимо что-то не ладилось у него с желудком. Он почти ни с кем не разговаривал и на всех смотрел свысока.

Вася же — маленький, упитанный, розовощекий очкарик, полная противоположность Коле. Он был похож на колобка. Ни минуты не мог усидеть на месте, постоянно что-то рассказывал, острил, руководил и организовывал. Его-то дружно и выбрали старостой курса.

Чтобы как-то скрасить свое безрадостное пребывание на лекциях, Веруня села с ним рядом.

Вася Астраханкин приехал из Иркутска. В Москве у него жила родная тетя, Нина Семеновна.

Старшая сестра его матери. Нина Семеновна преподавала в этом же институте психологию. Но поступил он сам. Его тетя — дама безнадежно принципиальная и никогда не попросила бы за племянника. Василий Астраханкин окончил школу с золотой медалью, и ему надо было пройти только собеседование. А потом мужчинам, по его мнению, в педагогический — вообще зеленая дорога. Сама судьба его назначила спасти отечественную педагогику от нашествия неудачниц, которые ничего в ней не смыслят.

Все это, не без иронии, Василий изложил Веруне, после чего он показался ей забавным и веселым.

От волнения, что рядом с ним сидела самая красивая девушка курса, у Васи запотевали очки. Он то и дело протирал их носовым платком, открывая огромные серо-голубые глаза с расширенными зрачками. У него была ярко выраженная близорукость.

Веруня увидела свое отражение в Васиных зрачках и поняла — иркутский колобок втрескался в нее по уши.

Лекции о Песталоцци, Коменском, Ушинском казались Веруне убийственно скучными. И если бы не остроумный Астраханкин, который без конца смешил ее, находил все время какие-то забавные моменты, педагогическое образование Веруни

закончилось бы, не успев начаться.

Она ничего не понимала в искусстве педагогики, ее направлениях, школах, методологиях воспитания. А главное — не хотела даже вникать, лекции у нее вызывали устойчивое отвращение. Вспоминая школьные годы, она никак не могла представить себя в роли учительницы русского языка и литературы, и на будущий год она снова собиралась поступать в театральный. Вера Климова частенько сбегала с лекций на киностудию имени Горького. Там периодически объявляли набор в массовку, и девушка мечтала хотя бы мелькнуть на экране в каком-нибудь фильме.

Василий Астраханкин переписывал для Климовой лекции, делал ей шпаргалки и даже умудрялся сдавать за нее зачеты. В общем, он был всегда под рукой и готов был выполнить любое ее поручение.

Вера очень быстро привыкла, что ей без Васи уже не обойтись, и он прочно вошел в ее жизнь. Правда, для нее он был каким-то... бесполом. Она доверяла ему все свои девичьи секреты. Болтала с ним как с подружкой на всякие щекотливые темы. Василий терпеливо слушал рассказы о ресторанных приключениях Веры, Гошиных ухаживаниях, свиданиях и подарках поклонников и с огромным трудом скрывал свои чувства. Тайком от своей тети Василий подрабатывал грузчиком в

гастрономе. Чтобы иметь свободные деньги и приглашать иногда, избалованную поклонниками однокурсницу, в дорогие рестораны. Благодаря своей эрудиции и коммуникабельности, он быстро сходил с людьми. Эти качества помогали ему в поисках подработок, так как его любовь к Вере требовала все больше и больше непредвиденных расходов.

Василий умудрялся совмещать учебу в институте, работу грузчика в гастрономе, курьера в одном научном журнале и даже репетитора по русскому языку и литературе. Он занимался с ученицей пятого класса, семья которой дружила с его тетей — Ниной Семеновной.

Астраханкин никогда не унывал, его круглое розовощекое лицо с ямочками на щеках всегда озаряла улыбка. Казалось, у него не было никаких проблем.

На самом же деле он любил Веруню до самоотречения и сильно страдал от неразделенной любви. Все свои чувства он изливал в стихах. Свои стихи он читал Вере во время их прогулок по Москве, приписывая авторство модным в то время поэтам Вознесенскому или Евтушенко. Когда стихи опубликовали в журнале «Юность» и оказалось, что их автор студент литфака Василий Астраханкин, а вовсе не знаменитые поэты, Вера Климова ревностно отнеслась к успеху своего

друга. С одной стороны ей льстило, что в нее влюблен неординарный однокурсник, подающий далеко идущие надежды в литературе, а с другой — злило, что не она в центре всеобщего внимания.

На Василия Астраханкина обрушилась неожиданная слава. Однокурсницы наперебой приглашали его в театр, в Политехнический музей, где выступали модные поэты-шестидесятники Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина. Их творческие вечера в музее пользовались огромной популярностью у интеллектуальной элиты Москвы, и студентки старались таким образом привлечь внимание Василия к более интересным и содержательным девушкам, чем Вера Климова. Но Василий кроме Веры не видел никого вокруг себя. Эта была та редкая сумасшедшая любовь с первого взгляда и до последнего вздоха.

Астраханкин метался по всей Москве в поисках влиятельных людей, которые могли бы помочь его возлюбленной поступить в театральный. В душе он лелеял надежду, что Вера оценит его преданность и увидит, наконец, в нем настоящего мужчину, способного на невероятные поступки ради нее и осуществления ее мечты. И тут на помощь племяннику, поправ свою принципиальность, пришла Нина Семеновна. Она на дух не переносила его избранницу и давно

мечтала избавить его от этой легкомысленной девицы. Употребив все свои мыслимые и неммыслимые связи, она сделала невозможное. Через влиятельных людей в театральном мире Нина Семеновна устроила встречу Веры Климовой с режиссером молодежной театральной студии Константином Суровцевым. Он как раз собирался со своим коллективом ставить пьесу «Ромео и Джульетта» и подыскивал актрису на главную роль. Случилось чудо. Веру Климову Суровцев утвердил на роль Джульетты.

5

В начале семидесятых Константин Суровцев был достаточно известным театральным деятелем. Он ушел из репертуарного театра и создал свою театральную студию. Она так и называлась «Театральная студия Константина Суровцева».

У него был свой взгляд на сложившиеся веками традиции репертуарных театров. Он считал, что молодым актерам там тесно. Им годами приходится ждать достойной роли. А многие старятся на выходах вроде: «Кушать подано, сэр!», так и не сыграв ничего приличного. «Играть молодым актерам надо сейчас, пока они полны энергии, амбициозны и способны учиться» — говорил режиссер в своих интервью.

У Суровцева была и своя трактовка Шекспира.

— Пьеса «Ромео и Джульетта» сегодня нужна молодежи, как никогда, — утверждал режиссер. — Она воспитывает возвышенное отношение к женщине. В юношеском возрасте это особенно актуально. Учиться любить не в подворотне, а на классических образцах мировой литературы. В пьесе важна также и другая линия. Взаимоотношения отцов и детей...

В своих выступлениях по радио и телевидению он не раз подчеркивал: «В моей студии собралась на редкость талантливая молодежь. То, что главная героиня не актриса, меня нисколько не смущает. Ведь многие великие актеры: Фаина Раневская, Михаил Пуговкин, Иннокентий Смоктуновский не имели театрального образования. А кто сегодня может усомниться в их гениальности? Вера Климова очень органична. Она — полное попадание в образ Джульетты».

Впервые Веруня с Васей провели ночь вместе, после того как ее утвердили на роль Джульетты. У Валентины была ночная смена.

Опьяненная свалившимся на ее голову неожиданным счастьем, наговорившись и намечтавшись до одури, Веруня уснула, свернувшись калачиком, благодарно прижимаясь к Васе. Так она прижималась к Валентине и Дусе.

Джульетта посапывала на Васиной руке, даже не подозревая, какое чувство нежности он к ней испытывал. Бедняга не спал всю ночь. Боялся шелохнуться и потревожить ее сон, хотя рука затекла и посинела.

Это была самая замечательная ночь в его жизни. Он мог прикоснуться губами к ее волосам, вдыхать запах ее кожи, ощущать ее хрупкую фигурку. Веруня до восторга стала для него родной и близкой. Ради этой ночи он готов был пожертвовать всем, даже собственной жизнью.

Василий смотрел на спящую девушку и думал: «Вот моя муза. Смысл всей моей жизни. Моя единственная и неповторимая Джульетта». Его богатое воображение уже рисовало невероятные картины их совместной жизни. Он твердо решил сделать Веруне предложение после премьеры:

— Буду учиться и работать, сделаю все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Ради нее я готов стать знаменитым и успешным, чтобы она мной гордилась, — думал он в ночи...

Для Веры Климовой началась новая жизнь. Она перестала появляться на лекциях и всецело отдалась работе в студии.

Вася, как мог, прикрывал ее в институте, ведь учебный год подходил к концу. Он уговаривал Веру взять академический, подстраховаться на случай неудачи в театре. Но она и слышать не хотела о

педагогике.

Сейчас ей приходилось работать сутками над ролью, и эйфория красивой театральной жизни быстро улетучивалась.

На репетициях Суровцев был к ней беспощаден:

— Ты понимаешь, ты влюблена! — кричал он на нее. — Влюблена! Безумно, страстно! И не стреляй глазками по сторонам, как шлюха! Это сцена, а не панель! Вслушайся, вслушайся в слова: «Моя, как море, безгранична нежность! И глубока любовь!» Где нежность? Где безумный блеск в глазах? Это надо прожить, понимаешь, прожить! Чтобы тебе поверили! Прожить, а не просто произнести красивые слова своему возлюбленному. Ты должна влюбиться в Ромео по-настоящему!

У Веруни ничего не получалось. Она старалась изо всех сил, но не испытывала ни капли того чувства к Ромео, которого требовал от нее режиссер. Она панически боялась, что Суровцев откажется от нее. И этот страх не позволял ей раскрепоститься.

Нелегко давалась роль и Ромео. Что-то не стыковалось между ними. Не было в их игре какой-то искры. И у Суровцева появлялась мысль попробовать других актеров, и он не раз высказал ее вслух. Вера была в отчаянии. Возможно, режиссер очень быстро отказался бы от нее, но

ситуацию спас Василий Астраханкин.

Он не мог допустить провала своей возлюбленной. Василий выучил пьесу наизусть. Теперь все свободное время они репетировали роль у Веры дома. Она поражалась упорству и трудолюбию Василия, а главное пониманию того, как надо играть Джульетту.

— «О, говори, мой светозарный ангел!»

— «Ты надо мной сияешь в мраке ночи!» — подавал он реплики своей Джульетте.

И Веруня видела в его глазах столько любви, нежности, обожания... Именно такой игры от нее требовал Костя. «Но почему у Васи получается, а у меня нет?» — не раз спрашивала она себя.

— Знаешь, — сказала она Василию после очередной репетиции, — без тебя мне не справиться с этой ролью. Ты не бросай, меня. — Вера по-дружески обняла его, — ты бы сыграл Ромео лучше. И мне было бы с тобой в сто раз легче. Жаль, что ты не артист.

У Василия от счастья остановилось сердце. Это была самая дорогая награда и самый лучший комплимент от его Джульетты. Но не успела счастливая улыбка сползти с его лица, как Веруня отстранилась от него, посмотрела ему в глаза и тут же, не без иронии, добавила:

— Правда, какой из тебя Ромео? С твоей внешностью и ростом? — Она окинула его

снисходительным взглядом, — нет, видимо, все-таки ты самой судьбой назначен спасать педагогику от бездарных баб.

— Наверное, ты права, — проямлил Василий и сглотнул горький комок. — Какой из меня Ромео?

С каждой репетицией у Веры Климовой получалось все лучше и лучше.

Но неожиданно ее партнер попал в больницу. Он неудачно скатился на лыжах с горы и сломал ногу. Суровцеву пришлось срочно искать на роль главного героя другого актера. И как только он пришел на первую репетицию, Веруню будто пригвоздили к сцене. Это был он! Ее Ромео!

6

Феликс Ланской только заявлял о себе в кинотеатральном мире. Он учился на последнем курсе ВГИКа в мастерской Алексея Баталова. Бог одарил его не только талантом, но и прекрасной внешностью.

Блондин с роскошной вьющейся шевелюрой, огромными карими глазами. Он был хорошо сложен, пластичен и артистичен от природы. Феликс уже снялся в одном фильме, и у него появились первые поклонницы, которые нередко его осаждали, писали записки и присылали цветы, назначали свидания.

Отец Феликса, известный киноактер Станислав Ланской, жил в Польше. Мать, Карина Сахадзе, была кинокритиком. Она познакомилась с Ланским на кинофестивале в Москве. Карина брала у знаменитого польского актера интервью для известного в ту пору журнала «Советский экран». У них завязался бурный роман. Недолго думая Карина согласилась на предложение Станислава выйти за него замуж и, на зависть всем подругам, уехала в Польшу. Вместе они прожили шесть лет.

У Карины была яркая, неотразимая внешность, привлекающая мужчин, особенно киношников. Они видели в ней образ роковой женщины. Огромные черные глаза, персиковый цвет кожи и волосы цвета воронова заставляли выделять ее среди других. К тому же она была хорошо образованна и не лишена шарма. Темпераментная, порой экспансивная, Карина к тому же была женщиной ревнивой, вспыльчивой и властной.

Станислав не выдержал бесконечных скандалов и притязаний жены. Следует признать, ревность Карины была далеко небеспочвенной. Ланской был на пике славы. Много снимался, ездил по всему миру, в сопровождении красивых молодых женщин. Он позволял себе роскошь принимать их внимание и не отказывал себе в удовольствии провести время в кругу прекрасных

дам.

Карина же после родов заметно подурнела, сказались измены мужа и бесконечные скандалы с неизменными депрессиями. К тому же в Польше она так и не смогла найти себе применения, как профессионал. Отчаявшись удержать мужа, она разошлась с Ланским и с пятилетним Феликсом вернулась в Москву. К слову, ее бывший муж не забывал о сыне. Карина получала баснословные суммы на воспитание ребенка и жила безбедно.

Несколько раз Карина пыталась устроить свою личную жизнь, но безуспешно. Навязчивая, почти патологическая ревность к своим мужьям и любовникам неизбежно приводила к разрывам их отношений. К тому же Карина, кроме Станислава, так и не смогла никого больше полюбить.

Феликс рос в атмосфере материнских истерик под общим лейтмотивом: «Ради тебя я пожертвовала всем!»

Он выслушивал упреки матери в различных вариациях каждый день и вскоре перестал на них реагировать.

По отношению к сыну Карина вела себя, по меньшей мере, странно. То окружала его сумасшедшей заботой, то вовсе не замечала сына.

Периодически у нее возникало неистребимое желание сделать из Феликса то великого художника, то всемирно известного музыканта. И